

СТЕНА

Сергей Александрович Макаров – поэт, резидент и организатор культурного проекта «Другая среда». Лауреат литературной премии «Чаша бытия», лауреат областной литературной премии имени С.Т. Аксакова, финалист литературной премии им. П.И. Рычкова. Публиковался в сборнике стихотворений «История Вдохновения» проекта «Другая среда», культурной газете «Колумнист», журналах «Гостиный Дворъ», «Бельские просторы». Неоднократный участник и лауреат Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России». Автор двух поэтических книг и антиутопического рассказа «Боги изумрудного города», изданного в серии «Новые Имена» издательства МВГ. Член Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

Из моего окна открывается вид на стену. В ней больше четырёх метров высоты, а длина мне неизвестна. Можно было бы измерить её шагами, но я всерьёз опасуюсь, что стена окажется бесконечной.

Говорят, раньше за ней громко дышал титанических размеров завод, производивший всё что угодно: от шариковых ручек до космических спутников. Но я забирался на крышу нашей пятиэтажки и заглядывал за стену — там ничего нет. Только пустошь, такая же серая, как стена вокруг неё. Иногда, очень редко, в мою квартиру врывается неясное урчание, наверное, это движется что-то из уцелевшей техники. Но мне всякий раз кажется, что это стена переваривает съеденный ею завод.

Я боюсь этой стены.

Её серый цвет расплзся по всему кварталу, он выпил все оттенки с моих пёстрых занавесок, облизал краску с обоев, и даже

рыжая шерсть моего кота постепенно поддёргивается грязно-серой сединой.

А вчера я заметил, что стена принялась за детей. Рядом с ней стоит автобусная остановка, и каждое утро малыши мнутя и зевают там в ожидании транспорта, а каждый вечер идут мимо стены домой. Вчера они выходили из домов, раскрашенные ночью в яркие краски: розовой материнской любовью, синими всплесками грусти, красными мазками протестов, фиолетовыми полосами спокойствия и сосредоточенности. Они подходили к стене цветастые, как птички колибри, но за какие-то пять минут краски покидали их. Все, кроме одной. Кроме серого цвета уныния.

Вчера это случилось впервые, а сегодня я заметил двух малышей, которые вышли на улицу уже серыми. Ужас схватил меня за горло, не позволяя вдохнуть. Что, если в детях не останется ничего яркого? Если все их мечты умрут, не родившись? Кем станут они? И кем станем мы? Неужели возможно, чтобы одна стена обесцветила целый город? Страну? Всё человечество? И что последует потом? Солнце?

Я выбежал из дома со скоростью зайца, бегущего от лесного пожара. Мой путь лежал мимо проклятой стены, и я бежал, отвернув голову и зажмурив глаза, чтобы её серость не выпила мою решимость бороться. Под ногу прыгнула какая-то колдобина

— это стена ставит подножки, решил я, разглядывая разодранную штанину и красные капли крови на коленке. Значит, боитс... О да, бойся меня!

Обратно я не бежал, сжав в руках коробку, я крался, как крадутся диверсанты, забравшись глубоко в тыл врага, чтобы взорвать там самую большую бомбу. Всем своим видом я давал стене понять, что раскаиваюсь, что передумал и ничего ровным счётом не замышляю. Серая глыба мне не верила и норовила заглянуть в коробку, но нет — все щели были надёжно заклеены, ей не было туда хода.

— Там просто банки с соком, — повторял я в голове. — Только-то берёзовый сок, не волнуясь, всё хорошо.

И стена поверила.

У остановки я встал к ней лицом к лицу. Сердце отбойным молотком долбило о рёбра: ещё немного, и оно вырвется и обрызгает врага красным. Я решительно рванул клейкую ленту и открыл коробку. Жестяная крышка слетела с банки. Кисть нырнула в синюю густую жидкость. Недрогнувшей рукой я нанёс противнику первый решительный удар. Оплеуха заставила стену затрепетать, синий росчерк кисти застыл на ней рваной раной. А я мазал ещё и ещё, превращая полосу в овал.

— Сейчас-сейчас, — угрожающе бубнил я, отчаянно размахивая кистью. — Ещё немного, и...

— Это что это ты делаешь? — оборвал меня грубый голос.

— Поговори мне ещё! — прикрикнул я на стену и сейчас же ощутил болезненный удар в спину. Удивлённый и раздосадованный, я обернулся и встретился с гневным взглядом дворника.

— Ты зачем государственную собственность портишь, поганец? — сурово зашевелил он усыми. — А ну, пошёл прочь!

— Но она... она же детей... Нельзя её оставлять... — пролепетал я.

— Да я тебя сейчас метлой-то ещё разок приласкаю, а ну! — пригрозил мне блюстителю порядка.

— Ах, так? — я макнул кисть в банку и размашистым движением мазнул по серой физиономии этого адепта стены. Глаза дворника сделались рачьими, он выпустил метлу и, понося меня на чём свет стоит, оставил место боя. А я принялся красть дальше.

В банке оставалось ещё больше двух третей краски, когда, по наущению вредного дворника, на помощь стене прибыла кавалерия. В виде наряда полиции прибыла.

Стены в камере оказались младшими сёстрами моей стены. А может быть, и старшими. Они были сильнее и страшнее её. Они пожирали не только цвета, но само время. Я оказался заключённым в серое ничто и

очень скоро уверился, что находился здесь всегда. Или, вернее, никогда, потому что нет никакого времени и никакого меня. Нет и не было. Стены изо всех сил давили на обидчика своей родственницы, и я закрыл глаза, чтобы не видеть их.

Десять чёрных провалов ружейных дул одновременно рывкнули, выпуская рыжеватые язычки пламени, и десять блестящих металлом пуль весело ткнулись в мою грудь, выбивая яркие алые брызги. Умирать было больно и страшно. Я тяжело вдыхал сиреневый утренний воздух и, почти не моргая, смотрел в высокое розовое расцветное небо. Смотрел, пока не почувствовал, что парю в нём и что жизнь моя закончилась. Начиналось что-то другое, и нужно было лететь куда-то вслед восходящему солнцу. Но как же стена?

Серой стены больше не было. Из синей раны, прогрызенной моей кистью, на поверхность вырвалось бурное море. И теперь оно вздымало свои грозные валы с ключьями белой пены не только вокруг остановки, как задумывал я, но по всей площади моего неуступчивого врага.

Я засмеялся. Время бросилось вскачь, и, как это часто бывает с бессмертными, я заглянул далеко вперед. Дети, проходя

мимо бурного моря, теперь не теряли красок, а наливались ими сильнее. Что там дети! Суровые, давно выцветшие старики вновь научались мечтать. Омертвелый город сбросил с себя тяжёлый сон и улыбнулся, а следом за ним вся страна и всё человечество. И даже солнце стало немого ярче.

Меня разбудил сержант и объявил, что я должен заплатить за причинённый ущерб, или меня приговорят к общественным работам. Последние деньги я потратил на синюю краску, мне пришлось выбрать «или».

Из моего окна открывается вид на стену. В ней больше четырёх метров высоты и трёх тысяч шагов длины. Я уже добрый десяток раз обошёл её периметр с метлой. Возле остановки какой-то идиот испачкал её синей краской. Никанорыч утверждает, что этот идиот — я сам. Но как такое возможно? Какой уважающий себя дворник, а я уже больше двух недель как дворник, променяет классический серый цвет на аляповатый синий? Безобразие. Врёт Никанорыч, наверняка врёт.